

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 8–15.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 8–15.

Научная статья

УДК 94(47).066

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15>

ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕРУССКОГО ГОРОДА К НАЧАЛУ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II: ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

**Алексей Викторович
Белов**

Институт российской истории

Российской академии наук

Москва, Россия, belovavhist@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Аннотация. Статья посвящена структуре и состоянию городского и включенного в орбиту его жизни близлежащего «подгородного» пространства. В работе рассматриваются процессы, происходившие непосредственно накануне и в ходе проведения реформ Екатерины II: административно-территориальной, городской (социальной) и реформы русского города (города как административного центра). Таким образом, предлагается оценка состояния как городского пространства и структуры города, так и отчасти характера городских поселений Центральной России, с которыми соприкоснулись реформаторы в ходе своей преобразовательной политики, формируя ее курс, оценивая возможности и выбирая задачи. Особое внимание обращено на взаимосвязь и взаимозависимость разных частей города (радиусов пространственной структуры города).

При этом в работе описывается как сам город, так и примыкающие к нему поселения и территории, которые официально не являлись частью городского пространства, но находились с ним в единстве или близком соседстве, став в итоге элементом городского выгона. Особое внимание обращено на особенности фактического слияния пригородов и города на всех стадиях данного процесса: от устойчивой экономической независимости бывших служилых слобод (которым принадлежали обширные земельные владения) до слияния части этих слобод с городским выгоном и селитебной территорией. Приведены примеры распространения процессов урбанизации на окраинные сельские поселения, в результате чего они приобрели ярко выраженные формы городского хозяйства. В статье показан переходный характер рубежа XVIII – XIX вв. для формирования города Нового времени.

Исследование написано на материалах Калужской губернии, которую автор рассматривает как возможный образец (реперную точку) для сравнения и анализа структуры городского пространства и ее эволюции в разных частях Центральной России, а также для изучения процесса эволюции и итогов реформирования среднерусского города в середине XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: дореформенный город, русский город, реформа города Екатерины II, городское пространство, слобода.

Для цитирования: Белов А. В. Пространство среднерусского города к началу реформы города Екатерины II: особенности и закономерности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 8–15. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15>

Сведения об авторе: А. В. Белов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

© Белов А. В., 2024

Scientific Article
UDC 94(47).066
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15>

CENTRAL RUSSIAN CITY AT THE BEGINNING OF CATHERINE THE GREAT'S REFORMS: PECULIARITIES AND PATTERNS

Aleksey V. Belov

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, belovavhist@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Abstract. The article analyses the structure and state of the city and the surrounding 'suburban' space included in the orbit of its life. The work considers the processes that took place directly on the eve and during the reforms of Catherine the Great: administrative-territorial, urban (social), and reform of the Russian city (city as an administrative center). Thus, the author proposes to assess the state of both the urban space and the structure of the city, and partly the nature of the Central Russian urban settlements, with which the reformers came into contact in the course of their transformative policy, forming its course, assessing opportunities and choosing tasks. The author pays special attention to the relationship and interdependence of different parts of the city (radii of the city spatial structure).

At the same time, the work describes both the city itself and the adjoining settlements and territories. They were not officially part of the urban space, but were in unity or close neighborhood with it, becoming an element of the urban pasture. The author also highlights features of the actual merger of the suburbs and the city, at all stages of this process: from the stable economic independence of the former service settlements (which owned extensive land holdings), to the merger of part of these settlements with urban pasture and residential territory. The article gives examples of the spread of urbanization processes to the outskirts of rural settlements, as a result of which they acquired pronounced forms of urban economy. The article shows the transitional character of the 18th – 19th centuries turn for the formation of the New Age city.

The material for the study is the Kaluga province, which the author considers as a possible model (reference point) for comparing and analyzing the structure of urban space and its evolution in different parts of Central Russia, as well as for assessing the evolution process and the results of reforming the Central Russian city in the middle of the 18th – early 19th century.

Keywords: pre-reform city, Russian city, Catherine the Great's city reforms, urban space, settlement.

For citation: Belov, AV 2024, 'Central Russian City at the Beginning of Catherine the Great's Reforms: Peculiarities and Patterns', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 8–15, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15> (in Russ.)

Information about the Author: *Aleksey V. Belov* – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher of the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitriya Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia.

Введение

Дискуссия вокруг дореформенного города очень часто сводится к утверждению о его слабой развитости, а в ряде случаев и крайней отсталости как основного качества и признака. Данное утверждение в свою очередь выступает доказательством ограниченности и незавершенности преобразований второй половины XVIII столетия, связанных с реформаторским курсом Екатерины Великой, много и целенаправленно работавшей в этом направлении.

Мы не станем погружаться в данный вопрос в рамках его оценочных тезисов, но обратим внимание на необходимость при анализе итогов реформ отталкиваться не от абстрактного представления о норме, а исходить из учета базовых условий или, точнее, стартовых возможностей, на которые опирались сановники-преобразователи в своих деяниях. Иными словами постараемся ответить на вопрос, что представляло собой пространство города в том виде и в том качестве, в каком он попал в руки реформаторов второй половины XVIII в. При этом необходимо отметить особую важность данного аспекта. Он, конечно же, выступает как внешняя отличительная черта, важный отличительный признак конкретного исторического времени. Но вместе с тем городское пространство само по себе является важной частью исторической природы города, фактором, детерминирующим особенности его характера и определяющим формы и цели его переустройства.

Материалы и методы

В основу исследования положен разрабатываемый нами регионально-сетевой подход. В основе его (помимо прочего) лежит оценка процессов, протекающих в рамках (под влиянием) конкретного исторического региона с имманентно присущими ему качествами, выступающими важным фактором развития. Города являются частью поселенческой (городской и функционально-хозяйственной) сети, звенья которой существуют во взаимосвязи друг с другом. Главным предметом нашего исследования выступает Центральная Россия. При этом, учитывая многообразие мест и форм, присущих масштабной территории как всей страны, так и этой ее части, мы останавливаемся на одном единственном регионе – Калужской губернии. С нашей точки зрения именно ее можно успешно использовать как репер, удобный пример для сравнения различных территорий, по крайней мере Центральной России. Калужская земля – это внутренняя губерния, но с прошлым, имевшим военное и приграничное значение; она находится в нечерноземной зоне; достаточно отдалена от Москвы с ее сильным трансформирующим влиянием; а также выступает крупным транзитным рынком и этапом торгового маршрута (к Киеву); имеет преимущественно сельскохозяйственный, а не торгово-промышленный характер. Все это делает ее удобным примером для оценки характера среднерусского города конца XVIII – XIX в.

В основу исследования положены материалы генерального межевания, охватывающие период второй половины XVIII – начала XIX в.

Результаты

К началу преобразований последней четверти XVIII в. структура города дробилась на ряд распространяющихся от центра к периферии радиусов, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Основу данной структуры составляла древняя крепость. Как правило, ее укрепления уже перестали существовать или находились в сильно разрушенном состоянии. При этом как часть города она имела четко очерченные границы по линии стен («внутри земляного вала» [2, л. 119]) и особый статус в составе города. В документах эта территория всегда (!) именуется «городом». Причем обозначение это не распространялось на какие бы то ни было иные части поселения. Данное понятие будет сохранять свою устойчивость в этом конкретном значении на протяжении все-

го XVIII столетия и сменит его, собственно, в результате реформирования города Екатериной II.

При этом место крепости уже не носило оборонительно значения. Здесь располагался главный храм, торговые ряды, административные учреждения и здания (на тот период еще не везде), иногда военные команды. В пространстве между древними валами так же, как и везде, находились дворы жителей [5, л. 1], относящихся к городским слоям. В том числе на территории Центральной России известны случаи, когда этот городской район включал в себя относительно обширные сельскохозяйственные угодья (огороды и сады) [14, л. 1].

Согласно описанию городов края вторым неизменным пространственным атрибутом их организации выступала территория так называемого «предместия». Несмотря на привычное нам сегодня название, подразумевающее территории, сопредельные с городской чертой и находящиеся в орбите его сильного влияния, для середины XVIII в. данный радиус городского развития имел совершенно иную коннотацию. Если сравнить описания пригородов всех городов, перед нами будет однозначно выявляться классический для русского средневекового города посад. То есть территория, населенная в трактовке екатерининского времени городскими обывателями, основной формой расселения которых были обширные дворы, встроенные в городскую систему улиц. Свое название данное обозначение получило не от польского «предшество» или русского «пригород», а, видимо, от древнего русского «город» в значении *крепость*.

При этом необходимо отметить, что «пригород» как форма административно-территориальной подчиненности (и соответствующий ей термин) существовал в практике городского устройства. Он означал подчиненность «младшего» города старшему, административно более значимому, т. е. также носил все еще крайне архаическую форму.

В пространственном отношении город и крепость выступали как место расселения городской общины (то есть посадских людей) [7, л. 1], в которую при благоприятных условиях могли встраиваться жители до того независимых близлежащих слобод. К началу XIX в. за этими территориями закрепилось обозначение, используемое статистиками, проводившими обмеры генерального межевания, «город ... и градская селидебная (т. е. заселенная) земля» [4, л. 1].

При этом (что характерно для процессов развития города второй половины XVIII в.) в состав «селидебской земли» в процессе межевания включались и некоторые слободы. Свидетельства этого процесса не так часто, но встречаются при описании структуры городского пространства. В том числе непосредственно между разными этапами межевания. Такие прежде автономные (как по сословному характеру, так и по территориальной организации) слободы утрачивали качества своей автономности, выражавшейся в четких и устойчивых границах поселений и собственной системы улиц, которые в процессе поглощения городом слились с его внутренней инфраструктурой. Что показательно, в этом случае и население слобод уже не обозначалось по своей прежней функции, а именовалась «разночинцами» и «разного звания людьми» [9, л. 1 об.].

Окружавшие город слободы, которые в середине столетия все еще сохраняют свою устойчивость, и составляли очередной третий радиус городского пространства.

Для рассматриваемого нами региона (в прошлом игравшего важнейшую роль военного форпоста России на ее юго-западных окраинах) слободская организация была в первую очередь связана с военной службой.

Данные поселения и общины и во второй половине XVIII в. оставались самостоятельными, самостоятельными и самоуправляющимися общинами, население которых было объединено общим промыслом, ремеслом или иной профессиональ-

ной деятельностью, а также сословным статусом. В свое время слободские общины получили в качестве жалования за службу земли и угодья, которыми активно и теперь уже, по сути, безусловно (без исполнения прежних обязанностей) пользовались.

Для рассматриваемого нами региона (будущей Калужской губернии) такая пространственная категория, как «подгородные слободы», была весьма заметной. Причем основную массу составляли именно военные слободы: пушкарей, городских казаков, стрельцов. Впрочем, к тому времени уже «преждебывших». Из десяти старых городов слободы присутствовали в пяти, а общее число «подгородных» приближалось к двадцати. Так, например, в Мосальске упомянуто три слободы: «Городенька» или «Городенка» [11, л. 2 об.–3; 3, л. 193 об.]; встречающаяся только в одной из ранних межевых документов «пушкарская слобода» (слившаяся к тому времени с городом и заселенная в том числе разночинцами) [11, л. 2 об.–3]; а также «слобода Арехова» [11, л. 2 об.–3].

Состав населения слобод (по количеству дворов и числу жителей) был хоть и не столь значителен, но в ряде случаев достаточно заметен по сравнению с посадами даже средних городов. Так ямская слобода Калуги насчитывала 159 дворов и в них 751 «душу обоего пола» [2, л. 1–2 об.; 5, л. 1–7; 6, л. 1], в то время как у Серпейска данные показатели составляли 225 дворов [3, л. 228] и 724 душ [3, л. 228].

При этом земельные владения слобод могли во много раз превосходить собственно городские (посадские), что и делало военно-служилые поселения, ставшие к тому времени уже явно архаичными, достаточно устойчивыми. Так, например, в Перемышле из всех земель, принадлежавших впоследствии городу, на долю одной из бывших военных слобод приходилось 8 % пашни, 23 % лугов и 100 % леса. Кроме того, в его собственности находилось без малого 70 % от всех объединенных городских пашен и земельных угодий [3, л. 80–83 об.; 12, л. 1–4 об.; 13, л. 1].

Ямские слободы также сохраняли свое значение, но это было вызвано еще и тем, что они по-прежнему занимали важное (по сути, главное) место в рамках транспортной системы страны. Не удивительно, что ямщики и их слободы повсеместно являлись наиболее устойчивыми и обособленными структурами в рамках пространства всего дореформенного города. Подобное положение дел оставалось не редкостью и сохранялось вплоть до середины XIX в. Например, в подмосковной Коломне [15, с. 23–24].

Следующей зоной радиального городского пространства выступали соседствующие с посадскими и подгородными слободскими дворами и уходящие дальше от них обширные земельные владения разных собственников, имевших непосредственное отношение к данному поселению. Естественно, что к этому перечню относились в первую очередь земли так называемого выгона городской общины. Именно они станут основой для будущих общегородских выгонов, активно внедряемых Екатериной II, включающих в ходе преобразований в свой состав соседствующие с ними участки прочих владельцев.

Благодаря тому, что до нас дошли описания разных лет, в ряде случаев представляется возможным восстановить изначальные земельные владения городской общины. Так, «градская выгонная земля города Лихвина купцов и мещан в двух частях» вмещала в себя 163 дес. Основу владений составляли в первую очередь не угодья (луга и лес, необходимые для городского хозяйства), а пашня – 62 %. На втором месте стояла неудобная земля (неизбежный результат освоения территории) – 26 %, и лишь затем можно говорить об относительно небольших для города сенных покосах – 17 дес. (10 %), и еще более скромных «лесных дач» – всего 2 дес., или 1,3 % от всего пространства выгона [2, л. 243–246; 8, л. 1].

На основании данного материала видно, что для всех городов характерны в первую очередь обширные пашни. Куда реже и меньше они имеют покосы. Лес в

рамках городской земельной собственности вообще выступает исключительным явлением. Им владеет Таруса, но это всего 1,6 % от общей площади ее выгона. А также Медынь, где размеры угодий огромны – 1493 дес., но это наверняка связано с происхождением новообразованного города из села, при котором собственные лесные ресурсы – вещь более распространенная, чем у старых городов.

К этой же группе, помимо земель слобод (речь о которых уже шла выше), относились еще несколько категорий владений. Это «принадлежащие к городу земли особых владений» [10, л. 7]. В частности, купцам и мещанам Лихвина (помимо общей выгонной земли) принадлежали участки общим размером в 6 дес. Из них 4 приходились на поселение, 1 дес. – на покос и 1 дес. – на неудобные земли [2, л. 243–246; 8, л. 1].

Кроме того, были земельные владения у городских мельниц, в составе которых значились как пашни, так и угодья. Упоминаются и земли, состоящие при фабриках. Наиболее значительными в этом списке были предприятия губернской Калуги (всего 3 фабрики и 1 завод) [2, л. 1–2 об.; 5, л. 1–7; 6, л. 1–2 об.].

Однако совершенно исключительное место в системе «подгородных» территорий», относящихся к пространству города, занимали церковные приписные земли. Они выступали не менее масштабной группой, чем даже угодья городского выгона и подгородных слобод. В основном это были небольшие по размеру, но многочисленные участки. Большое число их приходилось на Козельск, к которому примыкала пользующаяся особым поклоном Оптина пустынь. Имелись владения этой обители также при городе, часть которых (32 дес.) впоследствии будет обмежевана в общий городской выгон [2, л. 297 об.]. В процессе формирования единого городского выгона подавляющая часть церковных владений войдет в его состав. То же самое произойдет с близлежащими бывшими монастырскими деревнями, подвергшимися секуляризации.

Еще одной категорией подгородных земель, формирующих структуру городского (хотя и не необъявленного официально) пространства, выступали зоны хозяйственных пригородов. Причем в данном случае данный термин стоит понимать буквально, без кавычек. Под ним подразумевается группа поселений, которые, испытывали с его стороны глубокое, качественно трансформирующее влияние на хозяйственную жизнь. В результате этого жители пригородов не только переключились на традиционные городские промыслы, но в значительной степени вообще отказались от прежних сельскохозяйственных занятий.

Городов, которые оказались способными оказать столь фундаментальное влияние, было немного, и все они относились к первой, наиболее населенной и экономической активной категории. При этом в Калужской губернии к ним можно отнести даже не губернский центр, а уездный Боровск, вокруг которого сформировалась группа поселений, насчитывающая почти два десятка наименований и более тысячи дворов. Их население активно промышляло слесарным, кузнечным, иконописным и иным «делом». При этом данные производства были сориентированы не на собственное потребление, а на рынок. Хлебопашество же ушло на второй план [2, л. 120–121].

Заключение

Середина и вторая половина XVIII в. – это этапное время в истории русского города, обозначившее переход от позднего Средневековья к Новому времени. Поэтому не удивительно, что в рамках его пространства сосуществовали одновременно как старые, так и новые черты. Атрибут прошлой эпохи – слободы (точнее, их население) – теряли свои сословные качества. Населенные людьми прежде служивыми (пушкарями, городскими казаками и стрельцами), они, лишаясь прежних своих функций (и востребованности), обретают ранг «разных чинов людей», приблизив-

шись тем самым к городским сословиям. При этом остающиеся в их распоряжении обширные земельные владения (полученные некогда на условиях службы) гарантировали им экономическую независимость и, как следствие, устойчивость подгородной слободской системы.

Впрочем, непоколебленные социально-экономические пережитки не всегда тормозили процесс поступательного развития. В ряде случаев наблюдалось срастание населения слобод, их жизни и территории с городом (точнее, с посадом-«пригородом»), его социальной средой и хозяйственной деятельностью. Но процесс этот не обладал большой динамикой. Город был все еще не един. Общую картину подгородной территории отличали чересполосица, нередкая раскиданность в пространстве.

Механизм освоения городских (в широком смысле этого слова) земель формировался под влиянием двух процессов. С одной стороны, это жалование военных общин за службу, в результате чего их внимание было обращено на наиболее удобные участки. С другой стороны – сельскохозяйственная колонизация края горожанами, которые также ориентировались на эффективность участка для присущей им сельскохозяйственной деятельности.

Не столь заметным, но важным элементом развития городского пространства за пределами границ городской общины выступает производственная деятельность. Наиболее четко она заметна в крупнейших по своему потенциалу центрах – губернской Калуге и идущему сразу за ней Боровску. В обоих случаях мы имеем комплексы, к которым возможно отнести и большие, работающие на весь город частные мельницы. Последние (в более скромном масштабе) являлись также непременным атрибутом разных частей и владений городов.

Но наибольший интерес представляет процесс трансформации под влиянием города его окраин, которые превращались в несельскохозяйственные производственные пригороды, т. е. оказываются уже в эти «седые» годы вовлеченными в процесс урбанизации. Местные жители, несмотря на обширные угодья и статус крестьян, отказывались от активного занятия земледелием, успешно развивая различные производящие занятия, сориентированные как на заказ, так и на продажу.

Важно, что процесс урбанизации на территории губернии имел к этому времени общий, а не локальный характер, получивший развитие благодаря условиям конкретного места. Те же тенденции мы наблюдаем в других регионах. В частности, в торгующем селе Сухиничах, активность жителей которого составляла немалую конкуренцию купечеству города Мещовска [1, с. 147–148].

Таким образом, в третьей четверти XVIII в. трансформация городского пространства демонстрирует наличие процессов, присущих переходному времени. Для него, с одной стороны, характерно сохранение архаичных черт прежних веков, обладающих достаточной устойчивостью, а с другой – преобразования, наметившиеся под влиянием процессов Нового времени.

Структура города (пространственная, хозяйственная, сословная) находилась в полуразвалившемся (или уж во всяком случае – не прочном), но при этом все еще устойчивом состоянии. Данная структура требовала упорядочивания и достижения эффективности функционирования путем отказа от архаичных форм. На это и будут направлены преобразовательные усилия эпохи правления Екатерины II, предпринятые ей в рамках реформы города.

Список источников и литературы

1. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967. 336 с.

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454.
3. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 456.
4. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 460.
5. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 464.
6. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 465.
7. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 467.
8. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 471.
9. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 480.
10. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 482.
11. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 483.
12. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 485.
13. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 487.
14. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754.
15. *Соза Л. Н.* Поререформенная Коломна: на пути к промышленному городу : монография. Коломна: МГОСГИ, 2012. 267 с.

References

1. Klokman, YuR 1967, *Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda. Vtoraya polovina XVIII v.* (Socio-economic history of the Russian city. The second half of the 18th century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* (Russian State Archive of Ancient Acts), fund 1355, inventory 1, file 454. (In Russ.)
3. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 456. (In Russ.)
4. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 460. (In Russ.)
5. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 464. (In Russ.)
6. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 465. (In Russ.)
7. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 467. (In Russ.)
8. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 471. (In Russ.)
9. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 480. (In Russ.)
10. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 482. (In Russ.)
11. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 483. (In Russ.)
12. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 485. (In Russ.)
13. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 487. (In Russ.)
14. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 754. (In Russ.)
15. Soza, LN 2012, *Poreformennaya Kolomna: na puti k promyshlennomu gorodu* (Post-reform Kolomna: on the way to an industrial city), MGOSGI publ, Kolomna (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 01.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024